
РЕЦЕНЗИИ

МУЗЫКА ВРЕМЕНИ

Вера Резник. Персонажи альбома. Изд-во LAURUS, 2017.

Настоящую книгу пропустить обидно, но очень легко. Особенно если она не следует поветрию моды и не старается вам понравиться. Ведет себя как ее собственные непредсказуемые герои, легкомысленно возглашая: «Персонажи альбома» — и предупреждая, что роман очень невелик. Однако осторожный читатель, которому уже ненароком доводилось слышать голос автора и его неповторимую интонацию, не спешит приступать к погружению в этот текст, — он знает, что может попасть в непростую ситуацию, и с опаской заглядывает на последнюю страницу. Такая дурная-хорошая привычка у этого книголюбца... А на этой последней странице некий персонаж по фамилии Петров беззвучно задается вопросом о том, что же все-таки с ним такое было, и коснеющим языком себе же и отвечает: «Что, что... Жизнь была, вот что». И не остается несчастному книголюбу иного выхода, кроме как возвратиться к первой странице, на которой рассказчик затевает рассказ о жизни людей, так прекрасно и благородно смотрящихся на старых картонных фотографиях в старом облупившемся альбоме

Особо любопытные, правда — бывают и такие, — заглядывают в послесловие, а в нем покойный прекрасный переводчик и знаменитый социолог Борис Дубин хвалит Веру Резник за первую книгу собственной прозы и говорит, что ждет ее новых работ.

Книжка припозднилась, Борис Дубин ее не дождался, а мы дождались и возвращаемся к первой странице, к началу историй старинных живых людей — вот именно что живых и непохожих друг на друга, это сразу очень чувствуется. Они, как мы с вами — неразумные и печальные, — совершают поступки, которых от них не ждешь, уходят и не возвращаются, страдают и причиняют страдания, непонятно как переживают потери и крушения, стараются избавиться от прошлого и нежно перебирают его следы и знаки. И мы слышим голос мальчика, некогда жившего в семействе родственников, а ныне ударившегося в воспоминания старика: «Сейчас, спустя долгие годы, во времена, когда окружающий мир мне сделался неприятен, я, как некогда, нахожу забаву и утешение в том, чтобы провести ладонью по облупившемуся кожаному переплету, ошутив все шероховатости, отстегнуть латунную застежку, раскрыть пожелтевшие листы и... замереть в ожидании, когда ринется мне навстречу ушедшее...» Дрожащая рука перелистывает глянцевые листы семейного альбома с твердыми фотографиями с золотым росчерком в правом нижнем углу.

Не стоит, однако, так уж безоглядно доверять этому старику, знаем мы эти стариковские причуды, а равно современные литературные игры... в иные моменты возникает подозрение, что его складывающийся в главы романа рассказ, о тех или иных эпизодах из жизни людей, представленных в альбоме на фотографиях, не более чем выдумка упражняющегося в писательстве персонажа из альбома — недаром в последней главе под названием «Флейта» он едва ли не прямо говорит об этом.

И здесь следует отметить вот что: роман «Персонажи альбома» — нимало не бытовой роман, он не описывает реалии жизни русских интеллигентов первой четверти прошлого века, хотя иногда неизбежно их фиксирует, это нимало не исторический роман, хотя, разумеется, без истории, являющейся подоплекой всему происходящему, на его страницах тоже не обойтись — это текст, поставивший себе целью изобразить состояния души, диктующей временами под влиянием чего-то, неведомо чего, каких-то атмосферных сгущений, своему носителю странные поступки. И в этом смысле

это роман вполне реалистический, если вспомнить это ныне вполне позабытое слово. Автор словно взывает: да приглядитесь же вы к людям! Этим причудам Господа Бога!, или, как говорит один из персонажей, судейский чиновник: «Господи, что же это такое, люди?»

Да, никакого линейного, как в детективе, развития сюжета, хотя у каждой главы и, значит, у каждого персонажа свой жизненный эпизод с началом, кульминацией и эпилогом.

Читатель листает страницы, заглядывая вперед и отступая назад, потому что важные детали рассыпаны по всему тексту с таким умыслом, чтобы он (читатель) старался сопоставлять, вникать, доискиваться причин... к примеру, неожиданного ухода Петра Петровича из дома. И почему его жена Марья Гавриловна, прекрасно слышащая состояние души своего мужа, его исчезновение, сопроводила лишь двумя словами: «Петр ушел» (дрогнувшим голосом). Голос рассказчика комментирует переживание героини: «Прежде она никогда не раздумывала о том, что истина — это перехваченное из неизвестных источников трепетанье, зачастую не совпадающее с тем, что фиксируется словами, сопровождаемое странным ощущением собственного бессилия».

Потрясенное сознание может проглядеть угрозу отмены целой жизни. Проглядело — и прекрасно. И слава богу, что Марья Гавриловна неоправданно убеждена в том, что Петр Петрович «разлучился с ней исключительно ради захватывающей радости встретиться еще раз». Про необыкновенность первой встречи упомянуто ранее и немного вскользь, но внимательный читатель про нее помнит, хотя и не очень верит, что так бывает с первого взгляда и все такое. Но важно ли это, когда грядет — правда, неведомо где — вторая, истинная встреча, та, которая и составляет «захватывающую радость»?

Рассказчик нечасто объявляет о своем присутствии на страницах романа, один из таких случаев — уход Петра Петровича. С удивительной искренностью он признается: «Автор и его персонаж прекрасно знают, что неверных поступков не бывает, поступки отвечают глубинному побуждению личности, и здесь нет места никакому суждению верности. Верным или неверным поступок становится, когда к нему со стороны прикладывают моральную линейку... но какое, спрашивается, имеют посторонние линейки отношение к твоей сокровенной жизни?» Странное дело — ведь ранее рассказчик называл поступок Петра Петровича безответственным, а вот здесь он уверяет, что просто делал уступку «читателю с простодушным образом мыслей». А не задуматься ли читателю, не заглянуть ли в свой собственный образ мыслей, простодушный ли он у него и как обстоят дела с правильной моральной линейкой?

Рассказчик, совершенно очевидно знакомый с «Открытым произведением» Умберто Эко (что представляется вполне естественным с учетом того, что Вера Резник этого популярного итальянца переводила), словно призывает читателя к соавторству... Именно поэтому он предоставляет ему право догадываться о том, что он, рассказчик, не знал или не сумел договорить. Самая завораживающая часть «маленького романа», по моему мнению, встреча опытного специалиста по психическим болезням Петра Петровича с высокомерным и прельстительным существом, меняющим маски недуга и здоровья. Бедный, бедный доктор!

«Да, я здорова. Но так удобнее, — спокойно сказала Анна Александровна. Не сочтете ли за труд объясниться? — пробормотал Петр Петрович. Ну, полно, — сказала Анна Александровна».

Глава называется «Отражения», и в ней предьявлены настоящие отражения (насколько отражения могут быть настоящими?) в обыкновенном зеркале, висевшем напротив обеденного стола. Случайный скользкий взгляд врача заканчивается для него ужасным прозрением, за которым следует финал: «Необъятная повелевающая

сила взметнула и уронила Петра Петровича. Боль была такой несоразмерно огромной, что в первый миг не имела качества боли... Вспорхнула птица. Воздух вокруг Петра Петровича похолодел». Это еще не «поддельный диагноз», много хуже — это ошибка. Тема «поддельного диагноза» вспыхнет в следующей главе. Она так и называется: «Отступление во времени». В этой главе все персонажи альбома собираются на журфиксе у Петра Петровича Берга. Гости — родственники и друзья — прибывают постепенно, предаваясь по дороге воспоминаниям, сочинению стихов, размышлениям... Берг — это и есть Петр Петрович, он из рыжих немецких переселенцев, принявший православию в незапамятные времена. Человек, «витающий выше всякой повседневности», любезно сообщает нам рассказчик устами журналиста Муравьева, ожидающего прибытия к Бергам путешественника, этнографа. Такие прекрасные, благородные, образованные люди из разночинцев наполняют гостиную Бергов. В то время как хозяин дома, радуя дам комплиментами, вспоминает разговор с доктором Фогелем (ведь на самом деле Петра Петровича интересовали только его больные и его лечебница), умолявшим его стать наконец современным человеком и взглянуть в лицо жизни общества, оказать помощь тем, кто хочет, чтобы все стало лучше, дать им разрешение пожить в лечебнице. «Поддельный диагноз!» — с ужасом сообразил тогда Петр Петрович.

Так вторгаются в жизнь персонажей ветры неумолимой истории. Они все еще здесь, еще все вместе, ведут в гостиную светские — в итоге смешные разговоры, потому что каждый говорит о своем (в изображении этого полилога автор выказывает очевидное знакомство с опытом современной литературы и творчеством Зощенко) — доктор Фогель, Муравьев, вернувшийся из странствий этнограф, Судейский. Зато замкнувшийся Петр Петрович впивается взглядом в олеандр. Раздражение почему-то нарастает, и Марья Гавриловна, перебивая доктора Фогеля, предлагает послушать присутствующую на журфиксе консерваторку Лютецию Ивановну. Обрушившаяся на слушателей «люциферова» музыка Скрябина приводит всех в состояние невыносимого напряжения. А бедной Марьей Гавриловной овладевают вдруг неуверенность, страх и подозрение, «что островок здравого смысла и достоинства, который она так старательно оберегала от штормов, собирая в альбом фотографии тех, кто подобно ей, ценил добропорядочность, может оказаться ненадежным убежищем, а то и вообще — зверинцем».

И ее самообладания хватает лишь на то, чтобы пригласить гостей пройти в столовую. Там все становится еще хуже. Лютеция задает, как мы сказали бы сейчас, провокационные вопросы этнографу об отношении туземцев к убийству. И этнограф, в своих рассказах вполне следующий идеям антрополога Леви-Стросса, на этот раз простодушно отвечает: «Да, им тоже непросто перешагнуть через кровь». — О, как скоро отзовется эта кровь Лютеции Ивановне! — А Петр Петрович произносит (ни к селу ни к городу), отвечая своим собственным мыслям: «Зло обделено дарованием, ему в этом мире только и остается, что быть злом». Да еще намекает на Павлушу Смердякова, которого, однако, по имени не называет. А потом видит вдруг, что сидящие рядом милые и драгоценные люди безумнее всех его больных.

В общем — эта ключевая глава, собравшая за столом всех персонажей и в известной мере объясняющая уход Петра Петровича, просто какой-то фильм, то есть — сценарий. Кстати, это единственная глава, почти целиком построенная на полилоге, в остальных восьми главах преобладает речь рассказчика.

Далее проясняются судьбы прочих персонажей и детали их взаимоотношений. Но не обольщайтесь. Как мы уже говорили, рассказчик предоставляет читателю большую свободу догадок и толкований. И не огорчайтесь, если пазл не будет у вас складываться с первого раза. Подсказка: именно Лютецию Ивановну, едва не попавшуюся с прокламациями, хотел укрыть от полиции доктор Фогель в Новознаменской лечеб-

нице, вызвав тем самым ужас Петра Петровича возможностью поддельного диагноза. Грозное дуновение передовых идей, безумие устроителей нового мира, приближение урагана. И вот уже опасливое население стороной обходит здание бывшей школы, где «под странными предложениями удерживают людей от возвращения в места их естественного обитания», а туда захаживает Егор Иванович Фогель. Он уговаривает себя, что просто жалеет «эту ничего толком не умеющую делать, не справляющуюся со своими обязанностями власть» и «что долг образованного и опытного человека прийти неумелым людям на помощь». А заканчивается все, сами должны догадаться как, и зачем доктор Фогель выдвинул из боковой тумбочки письменного стола верхний ящик...

Не упомянуты еще два любопытных персонажа: безответное и верное существо по имени Марфуша, бывшая пациентка той самой лечебницы, и ее бывший муж, маляр и Председатель страшного учреждения в здании бывшей школы. А первая глава этого «маленького романа» начинается с изощренной и продуманной расправы этой безумицы с бывшим мужем, мелким носителем зла, губителем ее жизни, а заодно и мира людей, исчезнувших невозвратно. Трудно удержаться и перестать выписывать. Например, про этого тяжкого Председателя, утратившего свой незаурядный дар, в полном согласии с пушкинским мнением о том, что гений и злодейство несовместны, «со временем в высшем мире его грустно занесли в особый журнал вместе с другими напрасными растратчиками божьей искры».

Как не вспомнить слов Петра Петровича о том, что Зло обделено дарованиями и ему в этом мире только и предназначено оставаться просто злом. Так вот тасуются эти погибшие персонажи дрожащей рукой вспоминающего детство старика — рассказчика и выдумщика, прощающегося с нами в последней главе под названием «Флейта», воображающего себя в полусне дедовской флейтой, «на которой все тише и тише играет музыку время». Есть еще в русской словесности такие книжки.

Как хорошо!

Людмила АГЕЕВА